

УДК 94(4) + 327
DOI: 10.17223/19988613/60/14

Р.В. Богатенко, С.В. Фоменко

ВОСТОК И ЗАПАД В ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ГИТЛЕРА «ПОСТМЮНХЕНСКОГО» ПЕРИОДА

Рассматриваются возможные военно-стратегические планы Гитлера начальной фазы «постмюнхенского» периода: с октября 1938 по январь 1939 г. Источниками анализа послужили опубликованные материалы из числа поступивших в британский Форин Оффис (МИД), архивные материалы заседаний британского Кабинета министров и его комитетов, дипломатические документы из сборников, составленных МИД СССР, переписка бывших царских дипломатов. Не обнаружив, помимо слухов, фактов в пользу западного направления планируемой германской агрессии, авторы фиксируют внимание на свидетельствах в пользу того, что после Мюнхенского совещания 30 сентября 1938 г. Гитлер намеревался начать движение в восточном направлении, не останавливаясь на границе СССР.

Ключевые слова: Гитлер; Комитет по внешней политике Великобритании; Д. Огилви-Форбс; Н. Мейсон-Макфарлейн; Г.А. Астахов; Ю. Бек.

С конца 1980-х гг. часть отечественных авторов – вслед за зарубежными – стала отстаивать тезис, согласно которому сразу же после Мюнхенского сговора (т.е. после подписания 30 сентября 1938 г. англо-германо-франко-итальянского соглашения о передаче запада Чехословакии Третьему рейху) Гитлер взялся за разработку западного варианта будущей войны по подчинению Европы [1]. Несмотря на отсутствие веских доводов в пользу данного тезиса, он в неизменном виде или с небольшими вариациями продолжает воспроизводиться – и прежде всего в современной польской историографии, которая отстаивает взгляд на Польшу 1930-х гг. как на невинную жертву агрессивной внешней политики соседей, павшую в сентябре 1939 г. под одновременными ударами с запада и востока. Возглавлявший одно время Польский институт международных дел С. Дембски пишет, что сначала Гитлер не планировал начать с завоевания Польши, но далее заявляет: Гитлер «готовился прежде всего к конфронтации с Францией. Поэтому в первую очередь он стремился лишить ее потенциальных союзников... Лишь после победы на западе Европы Гитлер намеревался двинуться на Россию». [2. С. 51; 3. С. 226]. И хотя при этом Дембски справедливо признает, что «в этом деле» – движении на Россию – фюрер «не исключал возможности взаимодействия с Варшавой», данное признание не подрывает фундамента концепции автора: в 1939 г. Советскому Союзу Гитлер, мол, не угрожал, СССР мог спокойно согласиться на отводимую ему Западом роль стороннего наблюдателя за развитием событий в Европе, но вместо этого Сталин, мечтавший о европейском господстве, пошел на сговор с Гитлером и вместе с ним приступил к дележу Польши.

Не разделяя эту часть концепции Славомира Дембски, авторитетный отечественный историк М.М. Наринский место Востока и Запада во внешнеполитическом мышлении Гитлера постмюнхенского периода во многом определяет так же, как и польский историк. «После Мюнхенского соглашения, – полагает он, – фюрер

все больше склонялся к войне с западными державами, для подготовки к которой требовалось время. При нанесении первого удара на западе Польше отводилась роль послушного сателлита и надежного тыла Германии» [4. С. 141]. Из такого рода констатации при желании нетрудно вывести по поводу предвоенной политики СССР умозаключения, подобные тем, что выводит и Дембски.

В связи с этим исследователи вновь обращаются к вопросу о месте Запада и Востока в военно-стратегических планах Гитлера постмюнхенского периода, точнее его начальной фазы: с октября 1938 по январь 1939 г. В качестве основных источников используются опубликованные в Великобритании материалы британского МИДа (Форин Оффис) [5], архивные материалы работы британского Кабинета министров и его комитетов [6], дипломатические документы из сборников МИДа СССР [7–10], а также переписка бывших царских дипломатов, объединенных в эмиграции парижским Советом послов [11].

В единственной своей работе – «Майн кампф» – Гитлер, как известно, провозгласил: «Мы, национал-социалисты... хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены» [12. С. 556]. При этом Гитлер считал, что решению этой задачи должно предшествовать сведение счетов с «безжалостным, смертельным врагом немецкого народа» – с Францией, поскольку та «не желает, чтобы вообще существовала на свете держава, именуемая Германией» и поскольку борьба с ней способна обеспечить «тыл в борьбе за увеличение наших территорий в Европе». Как след-

ствие, «предстоит ещё очень большая и тяжелая борьба с Францией» [12. С. 524, 555].

К осени 1938 г. с момента написания этих строк прошло более 10 лет. За истекшее время ситуация и в самой Германии, и в Европе изменилась. И Гитлер не мог этого не видеть, ведь он, вопреки распространенным стереотипам, обладал «удивительной способностью оценивать обстановку и людей» [13. С. 12]¹. Достаточно указать на радикальное изменение им со временем трактовки вопроса о возможных союзниках Германии.

В «Майн кампф» Гитлер обращал внимание на то, что «лишь с победой ноябрьской революции в Германии Англия могла вполне спокойно вздохнуть и сказать себе, что теперь опасность германской гегемонии в мире исчезла надолго». Поэтому, писал он, «нам приходится искать сближения только с Англией»; «на целый период времени для Германии возможны только два союзника в Европе – Англия и Италия»; «если мы... спросим себя, где же те государства, с которыми мы могли бы вступить в союз, то мы должны будем ответить: таких государств только два – Англия и Италия» и т.п. [12. С. 520, 523, 524, 529].

Десятилетие спустя, заговорив на секретном совещании 5 ноября 1937 г. о необходимости приступить к «решению проблемы пространства для Германии» не позднее 1943–1945 гг. (пока не потеряны преимущества над потенциальными противниками, позволяющие «добиться максимального выигрыша путем минимальных усилий»), Гитлер уже относил Англию – вместе с Францией – к «двум заклятым врагам... для которых мощный германский колосс в самом центре Европы является бельмом на глазу» [8. С. 27, 30].

Тогда, в ноябре 1937 г., начало «решения германского вопроса» трактовалось Гитлером исключительно как «решение чешского и австрийского вопросов» – если надо, то уже в 1938 г. Помимо всего прочего, необходимость «разгрома Чехии и одновременно Австрии» объяснялась им и необходимостью «снять угрозу с фланга при возможном наступлении на запад» [Там же. С. 29, 31, 32]. Но речь шла только о «возможном наступлении на запад», о «случае конфликта с Францией» как главным гарантом Версальской системы [Там же. С. 30]. Вообще же, говорил Гитлер, «в наших политических расчетах следует учитывать следующие факторы силы: Англия, Франция, Россия и соседние мелкие государства» или «Франция, Англия, Италия, Польша и Россия» [Там же. С. 29, 30].

К октябрю 1938 г., с точки зрения фюрера рейха, австрийский и частично чешский вопросы были решены – причем решены хоть и под давлением силы, но без открытого использования ее. Что же касается дальнейших военно-стратегических планов Гитлера периода «после Мюнхена», то они документально нигде не зафиксированы. Достоверно известно лишь одно: через 3 недели после Мюнхенского сговора, 21 октября 1938 г., Гитлер подписал директиву, ставившую перед вермахтом задачу «обеспечить возможность в любое время разгромить оставшуюся часть Чехии, если она, например, начнет проводить политику, враждебную Германии». Последняя часть данной фразы

была, однако, скорее прикрытием для готовящейся неминуемой агрессии против Чехии и Моравии, ибо положение «второй» Чехословацкой республики в качестве неформального протектората рейха Гитлера не устраивало. Ему нужен был настоящий германский протекторат Чехии и Богемии. Помимо цели «быстрой оккупации Чехии и изоляции Словакии» этой же директивой намечались подготовка вермахта к «овладению Мемельской областью» и проведение мероприятий по укреплению обороны германской границы на западе [10. С. 78]². Через месяц, 24 ноября, появилась директива Верховного главнокомандующего вермахта, касающаяся подготовки нападения на находящийся под управлением Лиги Наций Данциг [14. С. 552].

Что же касается дальнейших действий рейха, то здесь ясности нет. В октябре-ноябре 1938 г. статс-секретарь германского МИДа фон Вайцеккер говорил германскому послу в СССР графу Шуленбургу: в рамках «риббентроповской или гитлеровской политики, явно нацеленной на войну... пока еще не решили: выступить ли сначала против Англии, обеспечивая нейтралитет Польши, или сперва на востоке ликвидировать германо-польские и украинские вопросы, а также мемельскую проблему» (цит. по: [15. С. 62]).

Чуть ли не дословно такого же рода вывод делал и временный поверенный в делах Британии в Германии Д. Огилви-Форбс. 6 декабря 1938 г. он сообщал министру иностранных дел Галифаксу: «Сегодня в Германии царит общая убежденность, что г-н Гитлер приступает к третьему этапу своей программы, а именно к расширению (рейха) за пределы территорий, населенных немцами. Но как это должно быть достигнуто – это предмет многих споров. Одно только можно сказать наверняка: нацистские цели – грандиозных масштабов, и нет предела их конечным амбициям». Относительно того, в каком направлении будут простирались эти амбиции, дипломат высказывался так: «Как в нацистских, так и в ненацистских кругах, по-видимому, существует консенсус мнений по поводу того, что следующей целью, достижимой уже в 1939 г., является учреждение – при польском сотрудничестве или без него – независимой российской Украины под немецкой опекой». Однако, писал Огилви-Форбс, «есть люди, которые считают: г-н Гитлер не пойдет на риск войны с русскими, пока не будет совершенно уверен, что западную германскую границу не атакуют во время его продвижения на восток, а поэтому его первой задачей станет ликвидация – до завершения британского перевооружения – Франции и Англии. К этой цели, – продолжал дипломат, – можно подойти двумя способами: начать войну выступлением как против Франции, так и против Англии, используя в качестве предлога итальянские претензии к Франции, либо убедить Францию, что она не будет атакована, и сосредоточиться пока что только на Англии» [16. Р. 387]. Но в целом, заключал временный поверенный, из достоверного источника ему известно, что «г-н Гитлер еще не решил; другими словами, тигр в своем логове выжидает, какой к весне выбрать путь» [Ibid. Р. 388].

6 декабря в Париже было подписано франко-германское соглашение о ненападении, аналогичное

англо-германской декларации о ненападении от 30 сентября 1938 г. Это должно было обнадежить Запад, т.е. Британию и Францию. Но 9 декабря 1938 г. в соответствии с англо-германским морским соглашением от 18 июня 1935 г. последовало заявление правительства Гитлера о намерении сравнять тоннаж своих подводных лодок с тоннажем британского подводного флота³. Согласно германской ноте, переданной главе Форин Оффиса 13 декабря, «правительство Германии осознало необходимость повышенного внимания к защите своих морских путей на случай военных осложнений. Поэтому оно чувствует себя вынужденным в полной мере использовать возможности, вытекающие из соглашений, заключенных с правительством Его Величества в Соединенном Королевстве в 1935 и 1937 гг.». При этом в ноте специально подчеркивалось, что речь идет об увеличении общего тоннажа подводных лодок Германии до уровня, равного суммарному тоннажу подводных лодок не просто Великобритании, а всех членов Британского Содружества [18. Р. 422].

Уже на следующий день Галифакс предложил немецкому послу Дирксену двусторонние переговоры по взволновавшему англичан вопросу: «Что касается подводных лодок, – писал министр послу, – то имею честь напомнить, что статья 2 (f) Соглашения 1935 г. предусматривает не только уведомление со стороны правительства Германии о своем намерении осуществить какое-либо право, но и дружеское обсуждение прежде, чем это право будет реализовано. Поскольку я ожидаю, что правительство Его Величества подвергнет сомнению причины принятого Германией решения, я имею честь предложить провести совещание – с тем, чтобы обсудить проблему более подробно» [19. Р. 433].

30 декабря в Берлине состоятся предложенные Галифаксом переговоры, но на них германская сторона займет жесткую позицию. В условиях, когда немцы явно не желали успеха переговоров, а главное, в условиях нарастания темпов милитаризации Германии руководство Великобритании с еще большей настойчивостью искало ответа на вопрос: с кем же в первую очередь рейх собирается воевать?

15 декабря 1938 г. в Лондон вернулся бывший первый секретарь британского посольства в рейхе Ивон Киркпатрик, получивший новую должность в Форин Оффисе. Ссылаясь на надежный источник информации – на «своего немецкого друга, бывшего высокопоставленного чиновника, связанного с немецкими генералами и с членами гитлеровского окружения», Киркпатрик сразу же сообщил постоянному заместителю министра иностранных дел страны Александру Кадогану, что «Гитлер, все еще разъяренный Чемберленом и Великобританией в целом⁴, распорядился в течение ближайших трех недель составить планы, дающие ему возможность воздушного нападения на Лондон в марте 1939 г.» [20. Р. 130]. Кадоган немедленно передал эту информацию Галифаксу, а тот – в этот же день, в 19.00 – главе правительства Н. Чемберлену.

Результатом явилось заседание утром 16 декабря Комитета имперской обороны. Галифакс сообщил Комитету, что разработка «подобного плана соответствует разведывательным сообщениям, согласно которым

Гитлер неуравновешен... Но я надеюсь, – сказал министр, – что данное сообщение необоснованно, хотя меры предосторожности были бы важны и срочны» (цит. по: [21. Р. 65]).

Вслед за своим министром Чемберлен также подчеркнул, что «доказательства надвигающейся атаки Германию должны восприниматься всерьез». Он, премьер, «получал сообщения о такой возможности (атаки) и из других источников, но, правда, не сообщения о каком-либо определенном плане». Премьер-министр также добавил: прибывший в Лондон Я. Шахт, занимавшийся организацией эмиграции немецких евреев, сказал ему накануне «в необычайно откровенном разговоре», что «Гитлер планирует какую-то агрессию на Востоке в следующем месяце или около того» (цит. по: [Ibid. Р. 65]). По предположению Чемберлена бывший министр экономики рейха Шахт фактически сообщил ему: интересы Гитлера лежат на Востоке, но в случае любого британского вмешательства в события этого региона будет осуществлено внезапное нападение на Лондон. Это, по мнению премьера, означало: Гитлер будет искать предлог для обострения отношений с Британией, и этим предлогом могут стать попытки сорвать его агрессивные планы на Востоке. Чемберлен, однако, «не видел необходимости вмешиваться в какой-либо конфликт на Востоке, а поэтому неожиданное нападение (на Англию) считал маловероятным» (цит. по: [Ibid. Р. 66]).

Такого рода обобщения опирались на информацию не только британских дипломатов и разведчиков.

Летом 1938 г. два французских посла информировали свой МИД, «что Гитлер уделяет сейчас особенное внимание вопросу об СССР. Он хотел бы “урегулировать” отношения с Советским Союзом на такой примерно базе: СССР разделяется на ряд более или менее независимых частей, лишь слабо связанных между собой... Украина должна составлять одну из таких полусамостоятельных частей и попасть под фактический протекторат Германии» [11. С. 529].

С октября 1938 г. Гитлер открыто начал разыгрывать свою «украинскую карту». Под его давлением неделю спустя после подписания Мюнхенского соглашения, 8 октября 1938 г., Подкарпатская Русь (Закарпатье) получила в рамках «новой» Чехо-Словакии автономию (как и Словакия). Но уже 25 октября (опять-таки с санкции фюрера) в «республике Карпатская Русь» был произведен государственный переворот: премьер-министр автономии русин А. Бродия был арестован, его место занял «украинствующий» А. Волошин, а область была переименована в *Закарпатскую Украину* [22. С. 298]. Первый Венский арбитраж, который с молчаливого согласия Англии и Франции осуществили 2 ноября Германия и Италия, санкционировал польский захват бывшего чехословацкого округа Тешин, поглощение Венгрией юга Словакии и части Закарпатья, а также рекомендовал признать возникшее «марионеточное государство “Закарпатская Украина”» [15. С. 62].

Рождение автономии «Закарпатская Украина» породило в Европе устойчивое представление: Гитлер намерен превратить ее в «украинский Пьемонт», а поэтому вот-вот двинет свои войска против СССР. Пред-

ставление это подкреплялось шумной кампанией, развернутой германской и эмигрантской украинской печатью в пользу присоединения к «Закарпатской Украине» Украинской Советской Социалистической Республики. Активизировавшийся наряду с ярыми украинскими националистами бывший глава «Украинской державы» гетман Скоропадский заговорил в конце 1938 г. в Берлине *«о будущей Украине, совершенно самостоятельной и независимой»* [11. С. 167].

14 декабря 1938 г. два корреспондента – британский и американский – обратили внимание Поверенного в делах СССР в Германии Г.А. Астахова на то, что «тема об Украине является сейчас одной из самых модных в Берлине» и что никогда ранее «эта проблема не обсуждалась в Берлине так оживленно, как сейчас»: о ее актуальности «активно говорят как низовые чернорубашечники, так и высокопоставленные официальные лица». Решение же «проблемы», по словам журналистов, «мыслится в плане создания *“единой” Украины из всех частей, включая советскую*» [10. С. 144].

Примерно на это же самое обратил внимание Астахов 15 декабря и французский посол в Германии Р. Кулондр, говоривший об «исключительной активизации здесь (в Берлине) вопроса *об Украине*». Этот вопрос являлся, по словам посла, ссылавшегося «на свои беседы с коллегами», «основным, обсуждающимся в немецких кругах, и в частности в армии». Кулондру также казалось, «что сейчас немцы заняты усиленной обработкой поляков, которых пытаются склонить в этом вопросе на свою сторону» [Там же. С. 145].

В своем донесении в Париж в этот же день, 15 декабря, Р. Кулондр писал: «Стремление третьего рейха к экспансии на востоке мне кажется столь же очевидным, как и его отказ, по крайней мере в настоящее время, от всяких завоеваний на Западе: одно вытекает из другого... все мои собеседники, за исключением Гитлера, говорили мне в самых различных формах, однако нарочито избегая каких-либо уточнений, о необходимости для Германии экспансии в Восточной Европе. Для г. Риббентропа это “поиск новых зон влияния на Востоке и Юго-Востоке”; для маршала Геринга – “проникновение на Юго-Восток, главным образом экономического характера”... мало-помалу из того, что пока еще носит неясные, расплывчатые формы, начинают проступать контуры великого немецкого предприятия. Стать хозяином в Центральной Европе, подчинив себе Чехословакию и Венгрию, затем создать Великую Украину под немецкой гегемонией...» [Там же. С. 147].

«Что касается Украины, – продолжал Кулондр, – то вот уже примерно в течение десяти дней весь национал-социалистический аппарат говорит о ней. Исследовательский центр Розенберга, ведомство д-ра Геббельса, организация “Ост-Европа ... тщательно изучают этот вопрос. Пути и средства, кажется, не разработаны, но сама цель, кажется, представляется уже установленной – создать Великую Украину, которая стала бы житницей Германии... в военных кругах уже поговаривают о походе до Кавказа и Баку».

Как и в разговоре с Астаховым, посол, правда, выражал сомнение в маловероятности того, «чтобы Гит-

лер попытался осуществить эти планы относительно Украины путем прямого военного вмешательства». В окружении Гитлера, сообщал он, «подумывают о такой операции, которая повторила бы в более широких масштабах операцию в Судетах: проведение в Польше, Румынии и СССР пропаганды за предоставление независимости Украине, в подходящий момент дипломатическая поддержка и акция со стороны местных добровольческих отрядов. И центром движения станет Закарпатская Украина» [Там же. С. 148].

Месяц спустя в Москву поступит информация одного «германского журналиста»⁵, полученная от генсека Германского общества по изучению Восточной Европы В. Маркерта. Согласно ей, в ноябре-декабре 1938 г. Гитлер «находился почти исключительно под влиянием Риббентропа и Розенберга»⁶, которые оба выступали за войну против Советского Союза, используя постановку украинского вопроса. К тем кругам, которые, исходя из политических и военных соображений, скептически оценивали вероятный исход военного столкновения между Германией и Советским Союзом, [в Берлине] почти не прислушивались». И эти же два месяца, по свидетельству Маркерта, рассматривались влиятельными органами рейха в качестве «момента для окончательного выяснения германо-польских отношений и для разъяснения польскому правительству, что Польша должна в будущем во всех отношениях уважать положение Германии как великой державы и соответственно с этим подчиняться концепциям германской внешней политики». Эта «энергичная германская позиция в отношении Польши, – подчеркивал Маркерт, – отражала стремление влиятельных германских органов при всех обстоятельствах ускорить столкновение с Москвой и в этих целях обеспечить в лице Польши союзника против Советского Союза» [7. С. 161–163].

С этой информацией перекликаются данные, поступавшие и в Форин Оффис. Особый интерес здесь представляет меморандум британского военного атташе в Германии полковника Мейсон-Макфарлейна, поскольку у ряда стран в то время военные атташе чуть ли не официально возглавляли разведывательную сеть своих стран в соответствующем государстве. В своем меморандуме от 26 декабря 1938 г., полученном Галифаксом в виде телеграммы временного британского поверенного, Мейсон-Макфарлейн привлекал внимание к интенсивной подготовке рейха к неминуемому в скором времени военным действиям, диктуемым, по мнению атташе, финансово-экономическими трудностями Германии и мнением, что их в состоянии сгладить быстрая и удачная «иностранная кампания».

Атташе поэтому полагал, что германский удар на Запад в настоящее время более вероятен, чем в начале этого, т.е. 1938 г., и что «при определенных обстоятельствах у него [Гитлера] может возникнуть соблазн воспользоваться временно выгодной ситуацией – как в воздухе, так и в раскладе держав – и попытаться нанести действительно тяжелый и неожиданный удар на Западе против нас» [23. Р. 549]. По сообщению Мейсон-Макфарлейна, в германской прессе «Англия в настоящий момент является публичным врагом номер

один...», и до него даже «доходили слухи, что возможные действия против Англии уже находятся в стадии подготовки – слухи, исходящие в том числе и из заслуживающих внимания источников» [23. Р. 549]. Но одновременно от «источника, который заслуживает самого серьезного внимания», писал военный атташе, «посольство недавно получило информацию, что он [Гитлер] намерен начать постепенную мобилизацию в феврале, чтобы быть готовым к военным действиям в начале лета на востоке» [Ibid. Р. 546].

В подтверждение возможного движения Гитлера именно на Восток Мейсон-Макфарлейн приводил информацию своего литовского коллеги о том, что «немцы принуждают поляков к совместным военным действиям против Белоруссии этой весной. Если, однако, Польша откажется сотрудничать, немцы намерены в ближайшее время предпринять военные действия также и против поляков» [Ibid. Р. 548]. Военный атташе Британии напоминал и о том, что «некоторое время назад на Украине было много слухов о предполагаемой немецкой акции против нее в следующем году и циркулировали сообщения о подготовке экономического проникновения на Украину и ее эксплуатации. Наша недавняя информация о начале постепенной мобилизации в феврале, – подытоживал Мейсон-Макфарлейн, – делает оккупацию Украины одной из военных целей» [Ibid.]. Считая это логичным шагом со стороны Гитлера, соглашаясь, что нападение Гитлера на Восток более вероятно, чем военная кампания против Запада, атташе, правда, добавлял: «...никаких конкретных сведений о том, что фактически начинаются военные приготовления против Украины, до меня пока не доходило» [Ibid.].

Особенно примечательно окончание меморандума, согласно которому, «можно быть почти наверняка уверенным, что уже в следующем году со стороны Германии будут рассмотрены и подготовлены военные действия», хотя до сих пор «нет никаких определенных военных доказательств, указывающих на область или сферу охвата того, что может быть атаковано» [Ibid. Р. 549]. И все же, по мнению Мейсон-Макфарлейна, более вероятна ограниченная акция весной на Востоке. Гитлер, на его взгляд, был «справедливо убежден, что если не будет никакого вмешательства со стороны Запада, он достаточно силен для того, чтобы – при ограниченности своей цели на Украине – иметь дело с Польшей и чтобы сломить любой отпор, возможный со стороны России». Конечно же, озабоченный судьбой своей страны, Мейсон-Макфарлейн не мог не добавить: «Несмотря на все проявления обратного, было бы неразумно предполагать, что ожидаемое “отвлечение” г-на Гитлера в 1939 г. неизбежно должно быть восточным». Но заканчивался меморандум весьма примечательной фразой: «Обсуждая данный вопрос с моим голландским коллегой – советником голландской миссии, мы оценили соотношение шансов действий [Гитлера] на Востоке и действий на Западе как примерно 10 к 1» [Ibid. Р. 550].

Временный поверенный в делах Британии в Германии поддерживал мнение военного атташе, что особое внимание фюрер рейха уделял именно Востоку. «Существует только одно направление, на котором г-н Гитлер

с относительной легкостью мог бы получить многие ресурсы, отсутствующие в Германии, – писал Д. Огилви-Форбс. – Это Восток и, следовательно, сельскохозяйственные и минеральные ресурсы Украины и румынская территория. Именно в этом направлении Германия, скорее всего, и ринется» [24. Р. 562].

Родившийся 7 января 1939 г. в стенах военного ведомства Великобритании меморандум прямо исходил из того, что следующей целью Гитлера станет Украина. Правда, в самое ближайшее время такой поворот событий исключался – и из-за закономерного ответа России, и из-за риска вмешательства Запада в неизбежно возникшую затяжную войну. Экономическое и военное положение Германии в настоящее время не такое, говорилось в меморандуме, чтобы «идти на риск войны без уверенности в ее быстром окончании и без опоры исключительно на собственные ресурсы» (цит. по: [21. Р. 76]).

Неуверенность в отношении предполагаемых планов Гитлера порождала, правда, телеграмма советника британского посольства в Москве Джорджа Верекера, полученная Форин Оффисом 14 января. Советник считал, что агрессия Гитлера в отношении Украины сейчас маловероятна, потому что «она должна включать либо распространение националистического движения (на УССР), либо завоевательную войну, либо то и другое вместе. Но поскольку советский политический контроль над украинским населением полный, – писал Верекер, – не может быть и речи о реализации первого курса. Для завоевания [Украины] потребуется также принудительное или добровольное сотрудничество [с рейхом] Польши или Румынии. Но первая этого не будет делать из-за возможных последствий для своего украинского населения или перспективы еще одной границы с Германией» [25. Р. 575–576]. Верекер обращал внимание и на еще один важный момент: «Украина экономически и стратегически жизненно важна для Советского Союза. Нападение на нее, несомненно, было бы встречено тотальной войной, а Красная Армия, несмотря на недавние чистки, способна к обороне» [Ibid. Р. 577].

Мнение Верекера, опровергавшее вывод, что Украина – наиболее вероятная цель военной операции, которую следует ожидать от Германии буквально в ближайшие недели, базировалось в основном на элементарной логике. Но с позицией Верекера в Лондоне неожиданно согласились постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кадоган, главный дипломатический советник при главе МИДа Р. Ванситтарт, помощник заместителя министра иностранных дел О. Сарджент, заведующий отделом (департаментом) Центральной Европы Форин Оффиса У. Стрэнг [21. Р. 83]. Лоуренс Кольер – глава Северного отдела МИДа, курировавшего также Советский Союз и Польшу – говорил, например, что Украина не может быть оторвана от СССР без крупномасштабного конфликта и что поляки тоже будут сражаться против вторжения Германии на их территорию с пятью миллионами проживающими там украинцами [Ibid. Р. 82–83].

Полученная Форин Оффисом 14 января телеграмма британского посла в Бельгии Роберта Клайва усиливала

мнение, что Гитлер не может сейчас решиться на поход против СССР. Оказывается, начальник Генерального штаба Бельгии сообщил британскому послу: из очень надежного источника известно, что «немецкий генеральный штаб недавно изучал план захвата голландских портов и береговой линии, хотя этот план и не предполагает нарушения бельгийского нейтралитета» [21. Р. 82–83]. И в этот же день личный секретарь британского министра иностранных дел О. Харви представил Галифаксу в Женеве голландского корреспондента, работающего в Берлине, который уверял, что Гитлер займет Голландию уже весной [Ibid. Р. 83].

В итоге утром 17 января появился доклад Кадогана, согласно которому в ближайшем будущем следует ожидать нападения Гитлера на Запад [20. Р. 139–40]. О возможности западного варианта гитлеровских действий сообщил начальству запиской в этот же день, 17 января, и Уильям Стрэнг. (Поэтому вернувшийся из Женевы во второй половине дня Галифакс немедленно был ознакомлен с данными материалами.)

Стрэнг сообщал о состоявшихся в Берхтесгадене 5 января переговорах Гитлера с польским министром иностранных дел Ю. Беком⁷. Как явствует из записки дипломата, в британском МИДе не знали точно, о чем говорили и договорились ли участники этой встречи, поскольку Бек уклонялся от вопросов британского посла в Польше Г. Кеннарда «и, несомненно, многое скрывал» [26. Р. 589]. Но накопившиеся мнения и свидетельства относительно встречи Гитлера и Бека Стрэнг суммировал так: «Все отчеты, которые мы получили, сходятся в том, что встреча была дружественной и в целом обнадеживающей для Польши» [Ibid.]. Судя по всему, «было достигнуто согласие, что Данциг должен быть освобожден от покровительства Лиги Наций и что Верховный комиссар [Лиги Наций] должен покинуть этот город». Согласно одному сообщению, Бек согласился также на строительство «автобана» через Коридор [Ibid]⁸.

Но одновременно, писал Стрэнг, «у нас есть доказательства из секретного, но надежного источника, согласно которым г-н Гитлер пытался убедить Ю. Бека, что немецкая и итальянская политика теперь направлена скорее на Запад и на колониальные проблемы, и есть также таинственная история, просочившаяся из польских источников, что они [Бек и Гитлер] обсудили будущее Швейцарии». Кроме того, по сообщению первого секретаря посольства Франции в Польше от 16 января, среди варшавян циркулирует слух: Гитлер поведал Беку, что он разворачивает свою политику на Запад, а также сообщил, что планирует кое-что против Британской империи, вследствие чего Польша может ожидать от него кое-каких дивидендов» [Ibid. Р. 590].

На состоявшемся 23 января заседании правительственного Комитета по внешней политике свои сообщения по поводу возможной гитлеровской агрессии в ближайшем будущем высказали сам Галифакс, Ванситтарт, Кадоган, Стрэнг, Киркпатрик и личный секретарь главы дипломатической службы Джебб. Но поскольку доклады, представленные членам Комитета (почти все, конечно же, с опорой на «секретные источники»), содержали практически все возможные

планы Гитлера, присутствовавшие министры и эксперты-аналитики, по свидетельству Галифакса, сошлись лишь на том, что «Гитлер рассматривает вариант нанесения удара уже в начале этого года, и опасный период начнется в конце февраля» [21. Р. 84].

Поэтому на новом заседании Комитета по внешней политике 26 января были достаточно четко обозначены события, способные привести к вступлению Англии в европейскую войну. Комитет полагал, что «возможная в апреле война с участием Великобритании будет, скорее всего, результатом прямого нападения Германии на Францию или на Великобританию» – нападения, которое последует вслед за началом итало-французского конфликта на почве территориальных споров либо событий в Испании. «Но если Германия не придет на помощь Италии, – говорилось в заключении Комитета, – итальянское нападение на Францию не обязательно приведет к этому. Еще одной, третьей, возможностью будет война, связанная с нападением Германии на какого-либо своего соседа в Восточной или Юго-Восточной Европе. Однако у этого события, – подчеркнул Комитет, – очень мало шансов вовлечь Великобританию в войну...» [27].

Складывается впечатление, что защищать от Гитлера в то время Британия твердо намеревалась только одну страну Европы – Голландию, важность которой с точки зрения национальной обороны Англии другой комитет – Комитет имперской обороны – суммирует так: «Стратегическое значение для Британской империи Голландии и ее колоний настолько велико, что немецкая атака на Голландию должна, на наш взгляд, рассматриваться как нападение на наши собственные интересы. В Европе доминирование над Голландией стало бы первым шагом Германии к получению большого начального преимущества в последующей атаке на нашу страну. За рубежом уничтожение голландской власти в Ост-Индии ослабит нашу позицию на всем Востоке» [28]. 25 января Кабинет министров специально рассматривал вопрос: что делать, если слухи об угрозе Голландии реализуются. Чемберлен заявил министрам: нападение Германии на Голландию сделает вмешательство Британии политически неизбежным. В то же время он твердо возразил против необходимости публично пообещать Голландии сохранение ее целостности или публично предупредить Германию от нападения на эту страну [29].

Судя по всему, министерство иностранных дел и военное ведомство Британии оказались переполнены самыми разнообразными слухами и сообщениями. «Наши источники информации, – говорил Кадоган 2 февраля, – в последнее время стали настолько плодовитыми (и ужасающими), что я начинаю относиться ко всем им с подозрением» (цит. по: [21. Р. 103]). Как выяснил 8 февраля Стрэнг из разговора с заместителем начальника военной разведки Бомон-Несбиттом, не было никаких конкретных данных, указывающих на скорые военные действия Германии на Западе, Востоке или Юге, и пока не было никаких планов ее агрессии против Голландии [Ibid.]. И это свидетельство одного из руководителей британских разведслужб очень примечательно.

Судя по всему, в конце 1938 – начале 1939 г. Гитлер был нацелен лишь на те территориальные приобретения, которые он мог заполучить без применения силы. А таковых было еще немало, поскольку 19 ноября 1937 г. устами лорда Галифакса британское правительство выдало фюреру карт-бланш на осуществление тех «изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут. К этим вопросам, – поведал Галифакс Гитлеру, – относятся: Данциг, Австрия и Чехословакия. Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции...» [8. С. 42].

Версию, согласно которой после Мюнхенского соглашения очередной свой удар Гитлер стал готовить против Запада, подтвердить очень трудно. Находившийся в Риме 28 октября 1938 г. министр иностранных дел Германии Й. фон Риббентроп, правда, говорил итальянскому коллеге графу Чиано: «...с сентября месяца мы можем смотреть в лицо войне с западными демократиями». Поскольку на Востоке «Россия слаба и будет оставаться таковой много лет, всю нашу энергию можно направить против западных демократий» [30. Р. 242, 244]. Решающее слово в вопросах внешней политики рейха принадлежало, однако, не Риббентропу, а Гитлеру, который именно в силу казавшейся неимоверной слабости СССР через какое-то время после поглощения остатка Чехословакии, Данцига и Мемеля мог двинуть свои войска на советскую территорию. Заслуживает внимания и такое уточнение Риббентропа: «Фюрер убежден, что мы должны неизбежно ввязаться в войну с западными демократиями в течение ближайших лет – возможно, трех или четырех» [Ibid. Р. 242]. Возникает вопрос: а чем Гитлер собирался заниматься эти 3–4 года? Ответ на этот вопрос фактически даст после войны глава гитлеровской службы внешней разведки Вальтер Шелленберг, убежденный в том, что «временный альянс» рейха с СССР «подтолкнул Гитлера к военным действиям на Западе, прежде чем обратиться против России» [31. С. 38].

Данных в пользу того, что после поглощения рейхом запада Чехословакии Гитлер намеревался начать движение в восточном направлении, не останавливаясь на границе СССР, немало. Особенно ярко об этом свидетельствовало начавшееся в октябре 1938 г. и продолжавшееся до 26 марта 1939 г. «ухаживание» руководства рейха за польскими политиками. В ходе этого «ухаживания» неизменно поднимался один и тот же вопрос – о «политике, которая должна проводиться Польшей и Германией в отношении России, и в этой связи также вопрос о Великой Украине» [9. С. 12–13].

Длительное время нацисты обещали украинским националистам помощь в создании «Великой Украины» из разного рода территорий, на которых проживали украинцы, включая и те, что были захвачены Польшей в 1920 г. Но стремясь угодить Ю. Беку, в беседах с ним – Гитлер 5 января 1939 г., а Риббентроп 6 января – всячески демонстрировали свою «негативную позицию по вопросу о Великой Украине». В разговоре с Беком они также старательно избегали ими же изобретенного понятия «Закарпатская Украина» [Там же. С. 13]. «Директивы для беседы Риббентропа с Беком»,

рожденные в недрах германского МИДа, предписывали говорить: «Опасение Польши, что Германия намерена превратить Прикарпатскую Русь в зародыш великоукраинского государства, не имеет под собой основания» [10. С. 164]. Более того, не исключено, что, отказываясь за спиной украинских националистов от создания обещанной им «Великой Украины», Гитлер был готов на время передать решение «украинского вопроса» в руки Польши. Риббентроп заверял Бека: «...мы заинтересованы в советской части Украины лишь постольку, поскольку повсюду, где только можно, мы стараемся причинить русским вред...» Мы, обещал Риббентроп, «будем исходить из того, чтобы рассматривать украинский вопрос как привилегию Польши» – при условии, конечно, если «Польша займет еще более отчетливую антирусскую позицию, так как иначе у нас вряд ли могут быть общие интересы» [9. С. 13–14].

Свое предложение «общего урегулирования спорных проблем» нацистское руководство повторило Польше и 25 января 1939 г., когда Риббентроп по приглашению Бека посетил Варшаву. Там гитлеровский министр, по его словам, условился с Беком о том, что «если Лига Наций прекратит выполнение своих функций в отношении Данцига прежде, чем между Германией и Польшей будет заключен договор, включающий и Данциг, мы установим с ним [Беком] контакт, чтобы найти решение, позволяющее выйти из этой ситуации». И конечно же, Риббентроп «еще раз говорил с Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу и в этой связи также по вопросу о Великой Украине»: он «снова предложил сотрудничество между Польшей и Германией в этой области» [Там же. С. 17].

Гитлер явно делал ставку на превращение Польши в своего союзника, чего он вряд ли стал бы добиваться в целях совместных действий против Англии, а тем более против Франции, с которой Польша формально все еще оставалась в союзных отношениях. В случае войны с Западом рейху достаточно было польского нейтралитета, обеспечиваемого польско-германской Декларацией 1934 г. о неприменении силы.

Не исключено, однако, что на рубеже 1938–1939 гг. Гитлер мог задуматься над вариантом своего участия в конфликте с Западом – участия в случае начала франко-итальянского столкновения, которое многим тогда, на заключительной стадии гражданской войны в Испании, казалось весьма вероятным.

30 ноября 1938 г. итальянская Палата депутатов проскандировала: «Тунис», «Джибути», «Корсика», «Ницца», – из-за чего в знак протеста против происходящего французский посол, присутствующий на заседании, был вынужден даже покинуть зал [7. С. 665]. После того как в итальянских городах состоялись соответствующие массовые демонстрации, французский премьер Даладье 16 декабря заявил: «Франция не уступит Италии ни акра своей территории». А дуче отреагировал на это 17 декабря денонсацией франко-итальянского договора 1935 г.⁹ Не менее важным стал и еще один факт: успех итало-франкистского наступления в Каталонии, начавшегося 23 декабря 1938 г.,

«побудил французское правительство открыть границы [с Испанией] – теперь республиканцы смогли получить оружие и боеприпасы», поступившие из СССР, но блокированные ранее в Бордо. Франко всерьез стал опасаться вступления в войну Франции. Но итальянский министр иностранных дел Чиано «информировал Лондон и Берлин, что в случае таких действий Франции Италия будет воевать с Францией на испанской территории. Угроза возымела эффект, и Франция прекратила помощь» испанской республике [32. С. 245]. 3 февраля 1939 г. Даладье направит к франкистам «сенатора Леона Берара, чтобы подготовить назначение маршала Петена чрезвычайным послом при “генералиссимусе” и каудильо Франсиско Франко» [33. С. 231].

На фоне капитуляции Франции в испанском вопросе умерил свои аппетиты и Муссолини. Уже 8 января 1939 г. Чиано так зафиксировал в дневнике основные положения своей беседы с дуче: «Требования к Франции. Мы не требуем Ниццы и Савойи, ибо они находятся по другую сторону Альп» [10. С. 177]. Поскольку обострившийся было итало-французский конфликт угас, необходимость в гитлеровской помощи Муссолини отпала. (Правда, цитируемые выше сотрудники дипломатического и военного ведомств Британии – Огилви-Форбс и Мейсон-Макфарлейн – даже мысли не допускали, что Гитлер мог отклониться от своих собственных планов ради помощи Италии в возможной войне с Францией.)

В свете всего сказанного в случае польского согласия на его условия вопрос о своих дальнейших внешнеполитических шагах после окончательного поглощения Чехословакии и возвращения рейху Данцига с Мемелем Гитлер мог решать только как совместный с Польшей «поход на восток». Крупный британский ученый еще 60 лет назад написал: «Если Гитлер действительно намеревался достичь Украины, он должен был идти через Польшу. Осенью 1938 г. это ни в коей степени не являлось политической фантазией... совместная кампания на Украине считалась неизбежной» [34. Р. 194, 196]. Современный германский историк имеет доступ к огромному количеству немецких источников. Но и он, констатирующий резко возросшую с 1935 г. опасность «германо-польско-японского окружения Советского Союза», не сомневается, что в 1938–1939 гг. «Гитлер планировал соглашение с Польшей об Украине» [35. С. 80, 83].

Идея «большого восточного похода» рейха – против СССР – полностью соответствовала стратегии

фюрера 1933–1939 гг., благодаря которой он добивался своих целей в Европе, не доводя дело до военного конфликта с индустриально мощными государствами. Гитлер прекрасно знал: его агрессии против СССР Запад противодействовать не будет, а значит «большая» война Германии в данном случае не грозит. Не случайно ведь британский Комитет по внешней политике заявил 26 января 1939 г., что «война, связанная с нападением Германии на какого-либо своего соседа в Восточной или Юго-Восточной Европе», – это событие, имеющее «очень мало шансов вовлечь Великобританию в войну» [27]. О возможности же упорного сопротивления его армиям со стороны населения самого СССР Гитлер просто не задумывался, чему во многом способствовала и та часть российской эмиграции, что не сомневалась: при первом же известии о вторжении неприятеля советские люди отшатнутся от «ненавистного», «кровавого», «империалистического» сталинского режима.

Подхватив утверждение, что после Мюнхена Гитлер сразу же взялся за разработку западного варианта экспансии в Европе, авторы авторитетного отечественного издания писали: разговоры о планируемой агрессии рейха на Востоке велись по инициативе германской дипломатии, стремившейся усыпить бдительность Запада. Не поняв этого, «часть влиятельных кругов Англии и Франции... всерьез восприняла распространявшиеся нацистской пропагандой осенью-зимой 1938/1939 г. ложные слухи о том, что очередной целью Германии будет создание под ее протекторатом “Великой Украины”» [36. С. 46, 49]. Но, на наш взгляд, еще более веские основания имеет прямо противоположный вывод: слухи конца 1938 – начала 1939 г. по поводу гитлеровских планов войны против Запада могли быть прикрытием для готовящегося похода на Восток: сначала против мелких государств, а затем и против СССР. Главное же, эти слухи являлись мощным средством устрашения Запада. Не исключено, что Гитлер специально запугивал тогдашних лидеров Британии и Франции возможностью войны против их стран. И это запугивание позволит ему добиться от Запада в первой половине 1939 г. новых уступок в виде раздела между Германией и Британией европейского рынка угля, рождения плана создания с участием рейха кондоминиума европейских держав для совместного «освоения» Африки и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ По свидетельству современников, политическое чутье стало все чаще изменять фюреру лишь после того, как стал захлебываться победоносный поход его армии по территории СССР.

² После Первой мировой войны Мемель, как и Данциг, был выделен из состава Германии в самостоятельный город-государство, управляемый комиссаром Лиги наций, но в 1923 г. был захвачен Литвой, которая последовала примеру Польши, аннексировавшей у нее Виленшину.

³ Одним из пунктов этого соглашения Германия брала на себя обязательство, что тоннаж ее подводных лодок не будет превышать 45% от общего тоннажа подводных лодок членов Британского содружества, «но только если не возникнет ситуация, которая приведет к необходимости, по мнению правительства Германии, воспользоваться своим правом на долю, превышающую 45%» [17. Р. 169].

⁴ Киркпатрик не уточнял причины этой «ярози фюрера», но считает: ее порождало то, что в Мюнхене Гитлеру пришлось удовлетвориться только частью чехословацкой территории.

⁵ Не исключено, что этим журналистом мог быть советский разведчик Рудольф Херрнштадт.

⁶ Здесь явное преувеличение степени влияния на Гитлера других нацистских иерархов.

⁷ Поскольку польско-германские переговоры вплоть до конца марта 1939 г. оставались секретными, в Форин Оффисе тогда не знали, что в ходе январского визита в Германию Бек встретился еще и с Й. Риббентропом.

⁸ Первое сообщение соответствовало истине, что же касается второго, то готовность разрешить рейху строительство экстерриториальных дорог через Польский коридор выражал Ю. Бек, но не все польское руководство.

⁹ Этим соглашением Лавала–Муссолини французы уступили Италии часть своих африканских колоний, 20% акций одной железной дороги в Эфиопии и т.п. [7. С. 658].

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоменко С.В. По поводу военно-стратегических планов Гитлера октября–декабря 1938 г. // Социальные институты в истории: ретроспекция и реальность : сб. ст. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та. 2018. Вып. 3. С. 101–114.
2. Дембски С. Польша, Советский Союз, кризис Версальской системы и проблема причин начала Второй мировой войны // «Завтра может быть уже поздно...» : Вестник МГИМО-Университета. Спец. выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М. : МГИМО (У) МИД России, 2009. С. 48–71.
3. Дембский С. Происхождение второй мировой войны // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М. : Аспект-пресс, 2017. С.165–201.
4. Наринский М.М. Происхождение второй мировой войны // Белые пятна – черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М. : Аспект-пресс, 2017. С.127–164.
5. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Third Series. London : Her Majesty Stationery Office, 1950. Vol. III: September 14, 1938 – January 20, 1939 (DBFP). 677 p.
6. The National Archives of the United Kingdom. The Cabinet Papers. 1915–1986 (CAB).
7. СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – 1939 г.) : документы и материалы. М. : Политиздат, 1971. 736 с.
8. Документы и материалы кануна второй мировой войны : в 2 т. М. : Политиздат, 1981. Т. 1: Ноябрь 1937 г. – декабрь 1938 г. 302 с.
9. Документы и материалы кануна второй мировой войны : в 2 т. М. : Политиздат, 1981. Т. 2: Январь–август 1939 г. 415 с.
10. Год кризиса, 1938–1939 :Документы и материалы : в 2 т. М. : Политиздат, 1990. Т. 1: 29 сентября 1938 г. – 31 мая 1939 г. 555 с.
11. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов: 1934–1940 : сб. документов : 2 кн. М. : ГЕЯ, 1998. Кн. 2: 1938–1940. 623 с.
12. Гитлер А. Моя борьба [1925] : пер. с нем. [Б.м.] : Т-ОКО, 1992. 597 с.
13. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха [1960]. М. : Эксмо, 2003. 928 с.
14. Из приговора Международного военного трибунала // Кейтель В. Размышления перед казнью / пер. с нем., предисл., примеч., прилож. Г.Я. Рудого. М. : Вече, 2012. С. 544–570.
15. Фляйшхауэр И. Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии 1938–1939 : пер. с нем. / вступ. сл. В.М. Фалина; предисл. Л.А. Безыменского. М. : Прогресс, 1991. 480 с.
16. Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 6 December 1938 // DBFP. P. 386–388.
17. Maiolo J. The Royal Navy and Nazi Germany: A Study in Appeasement and the Origins of the Second World War. New York : St. Martin's Press, 1998. 259 p.
18. The German Ambassador to Viscount Halifax 10 December 1938 // DBFP. P. 422–423.
19. Viscount Halifax to the German Ambassador 14 December 1938 // DBFP. P. 433–434.
20. Dilks, David (ed.). The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M. 1938–1945. London : Cassell, 1971. 881 p.
21. Gillard D. Appeasement in Crisis: From Munich to Prague, October 1938 – March 1939. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007. 240 p.
22. Краткая история Чехословакии. С древнейших времен до наших дней. М. : Наука, 1988. 576 с.
23. Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 29 December 1938 // DBFP. P. 544–551.
24. Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 3 January 1939 // DBFP. P. 561–564.
25. Mr. Vertker (Moscow) to Viscount Halifax 10 January 1939 // DBFP. P. 575–579.
26. Minute by Mr. Strang 17 January 1939 // DBFP. P. 589–590.
27. Committee of Imperial Defence: Joint Planning Committee: memo. 331 app. 1, 26 January 1939 // CAB 55/14.
28. CAB 24/282/3.
29. CAB 23/97/2.
30. Ciano's diplomatic papers / ed. by M. Muggeridge; transl. by S. Hood. London : Odhams Press Limited. Long Acre, 1948. 490 p.
31. Шелленберг В. Лабирифт : мемуары гитлеровского разведчика [1956] : пер. с англ. М. : Дом Бируни, 1991. 400 с.
32. Престон П. Франко : биография [1993] / пер. с англ. Ю.В. Бехтина. М. : Центрполиграф, 1999. 702 с.
33. Сория Ж. Война и революция в Испании. 1936–1939 : в 2 т. [1977] : пер. с фр. / предисл. Э. Генри. М. : Прогресс, 1987. Т. 2. 328 с.
34. Taylor A.J.P. The origins of the Second World War [1961]. New York : Simon and Schuster Paperbacks, 2005. 296 p.
35. Аманн Р. Пакт между Гитлером и Сталиным. Оценка интерпретаций советской внешней политики, включая новые вопросы и новые исследования // Вторая мировая война. Взгляд из Германии. М., 2006. С. 75–87.
36. Кульков Е.Н., Ржешевский О.А. Истоки нового мирового конфликта // Мировые войны XX века : в 4 кн. 2-е изд. М. : Наука, 2005. Кн. 3: Вторая мировая война : исторический очерк. С. 16–67.

Bogatenko Roman V. F.M. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: bog.roman@mail.ru

Fomenko Svetlana V. F.M. Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia). E-mail: fomenk@gmail.com

EAST AND WEST IN HITLER'S MILITARY STRATEGIC PLANS OF "POST-MUNICH" PERIOD

Keywords: Hitler; British Foreign Policy Committee; D. Ogilvy-Forbes; N. Mason-MacFarlane; G.A. Astakhov; Y. Beck.

The authors once again revert to the question of the place of the East and the West in Hitler's military strategic plans for the post-Munich period – more precisely, its initial phase, October 1938 – January 1939. The main sources are: published materials of the British Foreign Office; archival materials of meetings of the British Cabinet of Ministers and its committees, diplomatic documents from collections of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR, as well as correspondence of former Russian tsarist diplomats.

Hitler's military strategic plans for the period "after Munich" have not been officially recorded anywhere. It is only known that on October 21, 1938, a directive appeared, setting the Wehrmacht with the task of defeating the remainder of Czechoslovakia, capturing the Memel region and strengthening the western German border. November 24 was followed by an order to prepare for an attack on Danzig, which was under the control of the League of Nations. After the solution of these problems, with a high probability Hitler could move troops into the territory of the USSR, which always remained his more "sworn" enemy, rather than the West.

Already in the summer of 1938, two French ambassadors informed their Foreign Ministry that "Hitler is now paying particular attention to the USSR issue", planning to "divide it into a number of more or less independent parts ... Ukraine should be one of such semi-independent parts...". Under pressure from Hitler on October 8, 1938, Podkarpatskaya Rus (Zakarpate) and Slovakia were granted autonomy in the "new" Czechoslovakia. But on October 25, a coup d'état took place in the Republic of Karpatskaya Rus, the prime minister – rusyn Brodia – was replaced by the "Ukrainian" Voloshin, and the region became known as the Zakarpatska Ukraine (Transcarpathian Ukraine). The birth of autonomy "Zakarpatska Ukraine" gave rise to a stable idea in Europe: Hitler intends to turn it into a "Ukrainian Piedmont".

The fact that Hitler intended to start the movement not in the western, but in the eastern direction, without stopping at the border of the USSR, was confirmed by his persistent “courting” of Polish politicians that continued from October 1938 to March 26, 1939. In the course of this “courtship”, the question of “policy to be pursued by Poland and Germany towards Russia” has consistently been raised. Hitler clearly made a bid to turn Poland into his ally, which he would hardly have done for the purpose of joint actions against England, and especially against France, with which Poland formally still remained in co-operation relations. In the event of war with the West Reich had enough Polish neutrality provided by the Polish-German Declaration of 1934 on the non-use of force.

The authors do not consider the reasons why, contrary to the expectations of many, the western not the eastern version of Hitler’s aggression will be realized in the autumn of 1939.

REFERENCES

1. Fomenko, S.V. (2018) Po povodu voenno-strategicheskikh planov Gitlera oktyabrya – dekabrya 1938 g. [Regarding Hitler’s military strategic plans for October – December 1938]. In: Drebushevskaya, G.A. (ed.) *Sotsial'nye instituty v istorii: retrospektiya i real'nost'* [Social Institutions in History: Retrospection and Reality]. Omsk: Omsk State University. pp. 101–114.
2. Dembski, S. (2009) Pol'sha, Sovetskiy Soyuz, krizis Versal'skoy sistemy i problema prichin nachala Vtoroy mirovoy voyny [Poland, the Soviet Union, the crisis of the Versailles system and the problem of the causes of the outbreak of the Second World War]. In: chechevishnikov, A.L. (ed.) *“Zavtra mozhet byt' uzhe pozdno...”*: *Vestnik MGIMO-Universiteta. Spetsial'nyy vypusk k 70-letiyu nachala Vtoroy mirovoy voyny* [“It may be too late tomorrow ...”: “Bulletin of MGIMO-University”. Special edition for the 70th anniversary of the beginning of the Second World War]. Moscow: MGIMO (U) MID Rossii. pp.48–71.
3. Dembski, S. (2017) Proiskhozhdenie vtoroy mirovoy voyny [The Origin of the Second World War]. In: Malgin, A.V. (ed.) *Belye pyatna – chernye pyatna. Slozhnye voprosy v rossiysko-pol'skikh otnosheniyakh* [White spots – black spots. Difficult issues in Russian-Polish relations]. Moscow: Aspekt-press. pp. 165–201.
4. Narinsky, M.M. (2017) Proiskhozhdenie vtoroy mirovoy voyny [The Origin of the Second World War]. In: Malgin, A.V. (ed.) *Belye pyatna – chernye pyatna. Slozhnye voprosy v rossiysko-pol'skikh otnosheniyakh* [White spots – black spots. Difficult issues in Russian-Polish relations]. pp. 127–164.
5. British Foreign Office. (1950) *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939*. Third Series. Vol. III. September 14, 1938 – January 20, 1939. London: Her Majesty Stationery Office.
6. The National Archives of the United Kingdom. The Cabinet Papers. 1915–1986 (CAB).
7. Gromyko, A.A. (ed.) (1971) *SSSR v bor'be za mir nakanune vtoroy mirovoy voyny (sentyabr' 1938 g. – 1939 g.)* [The USSR in the struggle for peace on the eve of the Second World War (September 1938–1939)]. Moscow: Politizdat.
8. The USSR Ministry of Foreign Affairs. (1981a) *Dokumenty i materialy kanuna vtoroy mirovoy voyny* [Documents and materials on the eve of the Second World War]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.
9. The USSR Ministry of Foreign Affairs. (1981b) *Dokumenty i materialy kanuna vtoroy mirovoy voyny* [Documents and materials on the eve of the Second World War]. Vol. 2. Moscow: Politizdat.
10. Ilichev, L.F. (ed.) (1990) *God krizisa, 1938–1939. Dokumenty i materialy. V 2 t.* [The Year of Crisis, 1938–1939. Documents and materials. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Politizdat.
11. Primakov, E.M. (ed.) (1998) *Chemu svideteli my byli... Perepiska byvshikh tsarskikh diplomatov: 1934–1940. Sbornik dokumentov v dvukh knigakh* [What we witnessed ... Correspondence of former royal diplomats: 1934–1940. Collection of documents in two books]. Book 2. Moscow: Geya.
12. Hitler, A. (1992) *Moya bor'ba [1925]* [My struggle [1925]]. Translated from German. [s.l.]: T-OKO.
13. Shearer, W. (2003) *Vzlet i padenie Tret'ego reykh [1960]* [The rise and fall of the Third Reich [1960]]. Moscow: Eksmo.
14. Keitel, W. (2012) *Razmyshleniya pered kazn'yu* [Reflections before execution]. Translated from German by G.Ya. Rudi. Moscow: Veche. pp. 544–570.
15. Fleischhauer, I. (1991) *Pakt. Gitler, Stalin i initsiativa germanskoy diplomatii 1938–1939* [Pact. Hitler, Stalin and the initiative of German diplomacy, 1938–1939]. Translated from German. Moscow: Progress.
16. Ogilvie-Forbes, G. (1938a) *Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 6 December 1938*. DBFP. pp. 386–388.
17. Maiolo, J. (1998) *The Royal Navy and Nazi Germany: A Study in Appeasement and the Origins of the Second World War*. New York: St. Martin’s Press.
18. DBFP. (1938a) *The German Ambassador to Viscount Halifax 10 December 1938*. pp. 422–423.
19. DBFP. (1938b) *Viscount Halifax to the German Ambassador 14 December 1938*. pp. 433–434.
20. Dilks, D. (ed.) (1971) *The Diaries of Sir Alexander Cadogan, O.M. 1938–1945*. London: Cassell.
21. Gillard, D. (2007) *Appeasement in Crisis: From Munich to Prague, October 1938 – March 1939*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
22. Klevansky, A.Kh., Marina, V.V. & Pop, I.I. (eds) *Kratkaya istoriya Chekhoslovakii. S drevneyshikh vremen do nashikh dney* [A brief history of Czechoslovakia. From ancient times to the present day]. Moscow: Nauka.
23. Ogilvie-Forbes, G. (1938b) *Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 29 December 1938*. DBFP. pp. 544–551.
24. Ogilvie-Forbes, G. (1939) *Sir G. Ogilvie-Forbes (Berlin) to Viscount Halifax 3 January 1939*. DBFP. pp. 561–564.
25. DBFP. (1939a) *Mr. Vertker (Moscow) to Viscount Halifax 10 January 1939*. pp. 575–579.
26. DBFP. (1939b) *Minute by Mr. Strang 17 January 1939*. pp. 589–590.
27. Committee of Imperial Defence. (1939) *Joint Planning Committee: memo. 331 app. 1, 26 January 1939*. CAB 55/14.
28. CAB 24/282/3.
29. CAB 23/97/2.
30. Muggerridge, M. (ed.) (1948) *Ciano’s diplomatic papers*. London: Odhams Press Limited. Long Acre.
31. Shellenberg, W. (1991) *Labirint. Memuary gitlerovskogo razvedchika [1956]* [Labyrinth. Memoirs of Hitler's intelligence [1956]]. Translated from English. Moscow: Dom Biruni.
32. Preston, P. (1999) *Franco. Biografiya [1993]* [Franco. Biography [1993]]. Translated from English by Yu.V. Bekhtin. Moscow: ZAO Izd-vo Tsentropoligraf.
33. Soria, J. (1987) *Voyna i revolyutsiya v Ispanii. 1936–1939: V 2 t.* [War and revolution in Spain. 1936–1939: In 2 vols]. Vol. 2. Translated from French. Moscow: Progress.
34. Taylor, A.J.P. (2005) *The origins of the Second World War [1961]*. New York: Simon and Schuster Paperbacks.
35. Amann, R. (2006) *Pakt mezhdru Gitlerom i Stalinym. Otsenka interpretatsiy sovetskoy vneshney politiki, vklyuchaya novye voprosy i novye issledovaniya* [The Pact between Hitler and Stalin. Evaluation of interpretations of Soviet foreign policy, including new issues and new research]. In: Hemberger, H. et al. *Vtoraya mirovaya voyna. Vzgl'yad iz Germanii*. [World War II. German Perspective] Moscow: Eksmo. pp. 75–87.
36. Kulkov, E.N. & Rzheshesky, O.A. (2005) *Istoki novogo mirovogo konflikta* [The origins of the new world conflict]. In: Shatsillo, V.K. (ed.) *Mirovye voyny XX veka: v 4 kn.* [World Wars of the Twentieth Century: In 4 Books]. Book 3. 2nd ed. Moscow: Nauka. pp. 16–67.